

ЛЕВ
ТОЛСТОЙ

НИКОЛАЙ ПАЛКИН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. ТОМ 26

Лев Николаевич Толстой
Полное собрание сочинений.
Том 26. Произведения 1885–
1889 гг. Николай Палкин
Серия «Весь Толстой в один клик»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6880197

Содержание

Лев Николаевич	4
Предисловие к электронному изданию	6
НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ И	9
НЕОКОНЧЕННОЕ	
[НИКОЛАЙ ПАЛКИНЪ.]	9
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Лев Николаевич Толстой Николай Палкинъ

Государственное издательство
«Художественная литература»
Москва – 1936

Электронное издание осуществлено компаниями [АВВУУ](#)
и [WEXLER](#) в рамках краудсорсингового проекта [«Весь Тол-
стой в один клик»](#)

Организаторы проекта:

[Государственный музей Л. Н. Толстого](#)

[Музей-усадьба «Ясная Поляна»](#)

[Компания АВВУУ](#)

Подготовлено на основе электронной копии 26-го тома
Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставлен-
ной [Российской государственной библиотекой](#)

Электронное издание 90-томного собрания сочинений Л.
Н. Толстого доступно на портале www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 26-му тому Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам
report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928—1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и *координации* Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией АBBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы АBBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры *тома и отдельные произведения* публикуются в

электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

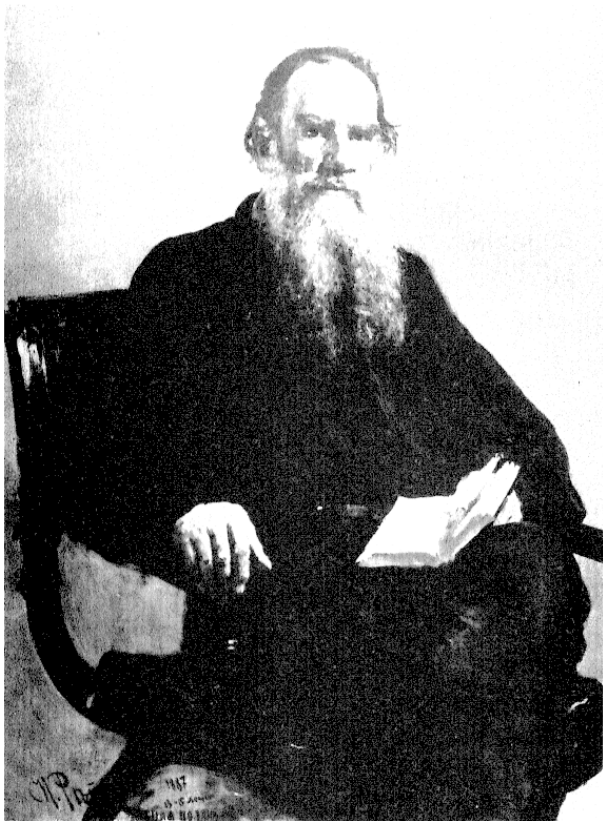
Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно.

—

Reproduction libre pour tous les pays.

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

1887 г.

Портрет работы И. Е. Репина.

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ И НЕОКОНЧЕННОЕ

[НИКОЛАЙ ПАЛКИНЪ.]

Мы ночевали у 95-лѣтняго солдата. Онъ служилъ при Александрѣ I и Николаѣ.

– Что умереть хочешь?

– Умереть? – Еще какъ хочу. Прежде боялся, а теперь объ одномъ Бога прошу: только бы покаяться, причаститься при-
вель Богъ. А то грѣховъ много.

– Какіе же грѣхи?

– Какъ какіе? Вѣдь я когда служилъ? При Николаѣ; тогда развѣ такая, какъ нынче, служба была! Тогда что было? У! Вспоминать, такъ ужасъ беретъ. Я еще Александра за-
сталъ. Александра того хвалили солдаты, говорили – милос-
тивъ былъ.

Я вспомнилъ послѣднія времена царствованія Алек-
сандра, когда изъ 100—20 человѣкъ забивали на смерть. Хо-
рошъ же былъ Николай, когда въ сравненіи съ нимъ Алек-
сандръ казался милостивымъ.

– А мнѣ довелось при Николаѣ служить, сказалъ старикъ.

И тотчас же оживился и сталъ разсказывать.

– Тогда что было, заговориль онъ. Тогда на 50 палокъ и портокъ не снимали; а 150, 200, 300... на смерть запарывали.

Говориль онъ и съ отвращеніемъ, и съ ужасомъ и не безъ гордости о прежнемъ молодечествѣ.

– А ужъ палками – недѣли не проходило, чтобы не забивали на смерть человѣка или двухъ изъ полка. Нынче ужъ и не знаютъ, что такое палки, а тогда это словечко со рта не сходило. Палки, палки!.. У насъ и солдаты Николая Палкинымъ прозвали. Николай Павлычъ, а они говорятъ Николай Палкинъ. Такъ и пошло ему прозвище.

– Такъ вотъ, какъ вспомнишь про то время, продолжалъ старикъ, да вѣкъ то отжилъ – помирать надо, какъ вспомнишь, такъ и жутко станеть. Много грѣха на душу принято. Дѣло подначальное было. Тебѣ всыпать 150 палокъ за солдата (отставной солдатъ былъ унтеръ-офицеръ и фельдфебель, теперь кандидатъ), а ты ему 200. У тебя не заживеть отъ того, а ты его мучаешь – вотъ и грѣхъ.

– Унтеръ-офицера до смерти убивали солдатъ молодыхъ. Прикладомъ или кулакомъ свиснетъ въ какое мѣсто нужное: въ грудь, или въ голову, онъ и помретъ. И никогда взыску не было. Помретъ отъ убоя, а начальство пишетъ: «властію Божіею помре». – И крышка. А тогда развѣ понималъ это? Только объ себѣ думаешь. А теперь вотъ ворочаешься на печкѣ, ночь не спится, все тебѣ думается, все представляется. Хорошо какъ успѣешь причаститься по закону христіан-

скому, да простится тебѣ, а то ужасъ брать. Какъ вспомнишь все, что самъ терпѣлъ, да отъ тебя терпѣли, такъ и аду не надо, хуже аду всякаго...

Я живо представилъ себѣ то, что должно вспоминаться въ его старческомъ одиночествѣ этому умирающему человѣку и мнѣ въ чужѣ стало жутко. Я вспомнилъ про тѣ ужасы, кромѣ палокъ, въ которыхъ онъ долженъ былъ принимать участіе. Про загоняніе на смерть сквозь строй, про разстрѣливанье, про убійства и грабежи городовъ и деревень на войнѣ (онъ участвовалъ въ польской войнѣ), и я сталъ спрашивать его про это. Я спросилъ его про гоняніе сквозь строй.

Онъ разсказалъ подробно про это ужасное дѣло. Какъ ведутъ человѣка, привязаннаго къ ружьямъ и между поставленными улицей солдатами съ шпирутенами палками, какъ всѣ бьютъ, а позади солдатъ ходятъ офицеры и покрикиваютъ: «бей больнѣй!»

– «Бей больнѣй!» прокричалъ старикъ начальническимъ голосомъ, очевидно не безъ удовольствія вспоминая и передавая этотъ молодечески-начальническій тонъ.

Онъ разсказалъ всѣ подробности безъ всякаго раскаянія, какъ бы онъ разсказывалъ о томъ, какъ бьютъ быковъ и свѣжуютъ говядину. Онъ разсказалъ о томъ какъ водятъ несчастнаго назадъ и впередъ между рядами, какъ тянется и падаетъ забиваемый человѣкъ на штыки, какъ сначала видны кровавые рубцы, какъ они перекрещиваются, какъ понемногу рубцы сливаются, выступаетъ и брызжетъ кровь, какъ клочьями

летить окровавленное мясо, какъ оголяются кости, какъ сначала еще кричить несчастный и какъ потомъ только охаетъ глухо съ каждымъ шагомъ и съ каждымъ ударомъ, какъ потомъ затихаетъ, и какъ докторъ, для этого приставленный, подходитъ и щупаетъ пульсъ, оглядываетъ и рѣшаетъ, можно ли еще бить человѣка или надо погодить и отложить до другого раза, когда заживетъ, чтобы можно было начать мученье сначала и добавить то количество ударовъ, которое какіе-то звѣри, съ Палкинымъ во главѣ, рѣшили, что надо дать ему. Докторъ употребляетъ свое знаніе на то, чтобы человѣкъ не умеръ прежде, чѣмъ не вынесетъ всѣ тѣ мученія, которыя можетъ вынести его тѣло.

Разсказывалъ солдатъ послѣ, какъ послѣ того, какъ онъ не можетъ больше ходить, несчастнаго кладутъ на шинель ничкомъ и съ кровяной подушкой во всю спину несутъ въ госпиталь вылѣчивать съ тѣмъ, чтобы, когда онъ вылечится, добавить ему ту тысячу или двѣ палокъ, которыя онъ не получилъ и не вынесъ сразу.

Разсказывалъ, какъ они просятъ смерти и имъ не даютъ ее сразу, а вылѣчиваютъ и бьютъ другой, иногда третій разъ. И онъ живетъ и лѣчится въ госпиталѣ, ожидая новыхъ мученій, которыя доведутъ его до смерти.

И его ведутъ второй или третій разъ и тогда уже добиваютъ на смерть. И все это за то, что человѣкъ или бѣжить отъ палокъ или имѣлъ мужество и самоотверженіе жаловаться за своихъ товарищей на то, что ихъ дурно кормятъ, а началь-

ство крадеть ихъ паёкъ.

Онъ рассказывалъ все это, и когда я старался вызвать его раскаяніе при этомъ воспоминаніи, онъ сначала удивился, а потомъ какъ будто испугался.

— Нѣтъ, говорить, это что-жь, это по суду. Въ этомъ развѣ я причинень? Это по суду, по закону.

То же спокойствіе и отсутствіе раскаянія было у него и по отношенію къ военнымъ ужасамъ, въ которыхъ онъ участвовалъ и которыхъ онъ много видѣлъ и въ Турціи и въ Польшѣ. Онъ рассказалъ объ убитыхъ дѣтяхъ, о смерти голодомъ и холодомъ плѣнныхъ, объ убійствѣ штыкомъ молодого мальчика-поляка, прижавшагося къ дереву.

И когда я спросилъ его не мучаютъ ли совѣсть его и эти поступки, онъ уже совсѣмъ не понялъ меня. Это на войнѣ, по закону, за Царя и отечество. Это дѣла, по его понятію, не только не дурныя, но такія, которыя онъ считаетъ доблестными, добродѣтельными, искупающими его грѣхи. То, что онъ раззорялъ, губилъ неповинныхъ ничѣмъ дѣтей и женщинъ, убивалъ пулей и штыкомъ людей, то, что самъ засѣкалъ стоя въ строю на смерть людей и таскалъ ихъ въ гошпиталь и опять назадъ на мученье, это все не мучаетъ его, это все какъ будто не его дѣла. Это все дѣлалъ какъ будто не онъ, а кто-то другой.

Есть у него кое-какіе свои грѣшки личные, когда онъ безъ того, что онъ называетъ закономъ, билъ и мучалъ людей, и эти мучаютъ его и для искупленія отъ нихъ онъ ужъ много

разъ причащался и еще надѣется причаститься передъ самой смертью, рассчитывая на то, что это загладитъ мучающіе его совѣсть грѣхи. Но онъ все-таки мучается и картины ужасовъ прошедшаго не покидаютъ его.

Что бы было съ этимъ старикомъ, если бы онъ понялъ то, что такъ должно бы быть ясно ему, стоящему на порогѣ смерти, что между всѣми дѣлами его жизни, тѣми, которыя онъ называетъ: по закону – и всѣми другими нѣтъ никакого различія, что всѣ дѣла его тѣ, которыя онъ могъ сдѣлать и не сдѣлать (а бить и не бить, убивать и не убивать людей всегда было въ его власти), что всѣ дѣла его – его дѣло, что какъ теперь, наканунѣ его смерти, нѣтъ и не можетъ быть никакого посредника между нимъ и Богомъ, такъ и не было и не могло быть и въ ту минуту, когда его заставляли мучать и убивать людей. Что бъ съ нимъ было, если бы онъ понялъ теперь, что не долженъ былъ бить и убивать людей и что закона о томъ, чтобы бить и убивать братьевъ никогда не было и не могло быть. Если бы онъ понялъ, что есть только одинъ вѣчный законъ, который онъ всегда зналъ и не могъ не знать – законъ, требующій любви и жалости къ людямъ, а что то, что онъ называетъ теперь закономъ былъ дерзкій, безбожный обманъ, которому онъ не долженъ былъ поддаваться. Страшно подумать о томъ, что представлялось бы ему въ его безсонныя ночи на печкѣ и каково было бы его отчаянье, если бы онъ понялъ это. Мученія его были бы ужасны.

Такъ зачѣмъ же и мучать его? Зачѣмъ мучать совѣсть уми-

рающаго старика? Лучше успокоить ее. Зачѣмъ раздражать народъ, вспоминать то, что уже прошло?

Прошло? Что прошло? Развѣ можетъ пройти то, чего мы не только не начинали искоренять и лѣчить, но то, что боимся назвать и по имени. Развѣ можетъ пройти жестокая болѣзнь только отъ того, что мы говоримъ, что прошло. Оно и не проходитъ и не пройдетъ никогда и не можетъ пройти, пока мы не признаемъ себя больными. Для того, чтобы излѣчить болѣзнь, надо прежде признать ее. А этого-то мы и не дѣлаемъ. Не только не дѣлаемъ, но всѣ усилія наши употребляемъ на то, чтобы не видать, не называть ее. Болѣзнь и не проходитъ, а только видоизмѣняется, въѣдается глубже въ плоть, въ кровь, въ кости, въ мозгъ костей.

Болѣзнь въ томъ, что люди, рожденные добрыми, кроткими, люди, съ вложенной въ ихъ сердце любовью, жалостью къ людямъ, совершаютъ – люди надъ людьми – ужасающія жестокости, сами не зная зачѣмъ и для чего. Наши русскіе люди кроткіе, добрые, всѣ проникнутые духомъ ученія Христа, люди кающіеся въ душѣ о томъ, что словомъ оскорбляли людей, что не подѣлились послѣднимъ съ нищимъ и не пожалѣли заключенныхъ, эти люди проводятъ лучшую пору жизни въ убійствѣ и мучительствѣ своихъ братій и не только не каются въ этихъ дѣлахъ, но считаютъ эти дѣла или доблестью или, по крайней мѣрѣ, необходимостью, такую же неизбѣжною, какъ пища или дыханіе. Развѣ это не ужасная болѣзнь? И развѣ не лежитъ на обязанности cadaго дѣлать все, что

онъ можетъ для исцѣленія ея, и первое, главное, указать на нее, признать ее, назвать ее ея именемъ.

Солдатъ старый провель всю свою жизнь въ мучительствѣ и убійствѣ другихъ людей. Мы говоримъ: зачѣмъ поминать? Солдатъ не считаетъ себя виноватымъ, и тѣ страшныя дѣла: палки, сквозь строй и другія – прошли уже; зачѣмъ поминать старое? Теперь ужъ этого нѣтъ больше. Былъ Николай Палкинъ. Зачѣмъ это вспоминать? Только старый солдатъ передъ смертью помянулъ. Зачѣмъ раздражать народъ? Такъ же говорили при Николаѣ про Александра. Тоже говорили при Александрѣ про Павловскія дѣла. Такъ же говорили при Павлѣ про Екатерину. Такъ же при Екатеринѣ про Петра и т. д. Зачѣмъ поминать? Какъ зачѣмъ поминать? Если у меня была лихая болѣзнь или опасная и я излѣчился или избавился отъ нея, я всегда съ радостью буду поминать. Я не буду поминать только тогда, когда я болѣю и все такъ же болѣю, еще хуже, и мнѣ хочется обмануть себя. И мы не поминаемъ только отъ того, что мы знаемъ, что мы больны все такъ же, и намъ хочется обмануть себя.

Зачѣмъ огорчать старика и раздражать народъ? Палки и сквозь строй – все это ужъ прошло.

Прошло? Изменило форму, но не прошло. Во всякое прошедшее время было то, что люди послѣдующаго времени вспоминаютъ не только съ ужасомъ, но съ недоумѣніемъ: правежи, сжиганія за ереси, пытки, военныя поселенія, палки и гонянія сквозь строй. Мы вспоминаемъ все это и не

только ужасаемся передъ жестокостью людей, но не можемъ себѣ представить душевнаго состоянія тѣхъ людей, которые это дѣлали. Что было въ душѣ того человѣка, который вставалъ съ постели, умывшись, одѣвшись въ боярскую одежду, помолившись Богу, шель въ застѣнокъ выворачивать суставы и бить кнутомъ стариковъ, женщинъ и проводилъ за этимъ занятіемъ, какъ теперешніе чиновники въ сенатѣ, свои обычные пять часовъ и ворочался въ семью и спокойно сиделъ за обѣдъ, а потомъ читалъ священное писаніе? Что было въ душѣ тѣхъ полковыхъ и ротныхъ командировъ: я зналъ одного такого, который накануне съ красавицей дочерью танцевалъ мазурку на балѣ и уѣзжалъ раньше, чтобы на завтра рано утромъ распорядиться прогоняніемъ на смерть сквозь строй бѣжавшаго солдата татарина, засѣкалъ этого солдата до смерти и возвращался обѣдать въ семью. Вѣдь все это было и при Петрѣ, и при Екатерине, и при Александрѣ, и при Николаѣ. Не было времени, въ которое бы не было техъ страшныхъ дель, которыя мы, читая ихъ, не можемъ понять. Не можемъ понять того, какъ могли люди не видать тѣхъ ужасовъ, которые они дѣлали, не видать, если уже не звѣрства безчеловѣчности тѣхъ ужасовъ, то бессмысленность ихъ. Во всѣ времена это было. Неужели наше время такое особенное, счастливое, что въ наше время нѣтъ такихъ ужасовъ, нѣтъ такихъ поступковъ, которые будутъ казаться столь же непонятными нашимъ потомкамъ? Намъ ясна теперь не только жестокость, но бессмысленность сжиганія еретиковъ и пы-

токъ судейскихъ для узнанія истины. Ребенокъ видитъ безсмысленность этого; но люди того времени не видѣли этого. Умные, ученые люди утверждали, что пытки необходимое условіе жизни людей, что это тяжело, но безъ этого нельзя. Тоже съ палками, съ рабствомъ. И пришло время и намъ трудно представить себе то состояніе умовъ, при которомъ возможно было такое грубое заблужденіе.

Гдѣ наши пытки, наше рабство, наши палки? Намъ кажется, что ихъ нѣтъ, что это было прежде, но теперь прошло. Намъ кажется это отъ того, что мы не хотимъ понять стараго и старательно закрываемъ на него глаза.

Если мы прямо поглядимъ на прошедшее, намъ откроется и наше настоящее. Если мы только перестанемъ слѣпить себѣ глаза выдуманнными государственными пользами и благами и посмотримъ на то, что одно важно: добро и зло жизни людей, намъ все станетъ ясно. Если мы назовемъ настоящими именами костры, пытки, плахи, клейма, рекрутскіе наборы, то мы найдемъ и настоящее имя для тюремъ, остроговъ, войскъ съ общею воинскою повинностью, прокуроровъ, жандармовъ.

Если мы не будемъ говорить: зачѣмъ поминать? и не будемъ заслонять дѣль людскихъ прошедшаго воображаемыми пользами для различныхъ фикцій, мы поймемъ то, что дѣлалось прежде, поймемъ и то, что дѣлается теперь.

Если намъ ясно, что нелѣпо и жестоко рубить головы на плахѣ и узнавать истину отъ людей посредствомъ выворачива-

ванія ихъ костей, то такъ же ясно станеть и то, что такъ же, если не еще болѣе, нелѣпо и жестоко вѣшать людей или сажать въ одиночное заключеніе, равное или худшее смерти и узнавать истину черезъ наемныхъ адвокатовъ и прокуроровъ. Если намъ ясно станеть, что нелѣпо и жестоко убивать заблудшаго человѣка, то такъ же ясно станеть и то, что еще нелѣпѣе сажать такого человѣка въ острогъ, чтобъ совсѣмъ развратить его; если ясно станеть, что нелѣпо и жестоко ловить мужиковъ въ солдаты и клеймить какъ скотину, то такъ же нелѣпо и жестоко забирать всякаго 21-лѣтняго человѣка въ солдаты. Если ясно станеть, какъ нелѣпа и жестока причина, то еще яснѣе будетъ нелѣпость и жестокость гвардій и охраны.

Если мы только перестанемъ закрывать глаза на прошедшее и говорить: зачѣмъ поминать старое, намъ ясно станеть, въ чемъ наши точно такіе же ужасы, только въ новыхъ формахъ. Мы говоримъ: все это прошло. Прошло, теперь ужъ нѣтъ пытокъ, блудницъ Екатеринъ съ ихъ самовластными любовниками, нѣтъ рабства, нѣтъ забиванья на смерть палками и др. Но вѣдь только такъ кажется.

Триста тысячъ человѣкъ въ острогахъ и арестантскихъ ротахъ сидятъ запертые въ тѣсныя, вонючіе помѣщенія и умираютъ медленной тѣлесной и нравственной смертью. Жены и дѣти ихъ брошены безъ пропитанія, а этихъ людей держатъ въ вертепѣ разврата – острогахъ и арестантскихъ ротахъ, и только смотрители, полновластные хозяева этихъ ра-

бовъ, суть тѣ люди, которымъ на что-нибудь нужно это жестокое безсмысленное заключеніе. Десятки тысячъ людей съ вредными идеями въ ссылкахъ разносятъ эти идеи въ дальніе углы Россіи и сходятъ съ ума и вѣшаются. Тысячи сидятъ по крѣпостямъ и или убиваются тайно начальниками тюремъ или сводятся съ ума одиночными заключеніями. Милліоны народа гибнуть физически и нравственно въ рабствѣ у фабрикантовъ. Сотни тысячъ людей каждую осень отбираются отъ семей, отъ молодыхъ жень, пріучаются къ убійству и систематически развращаются. Царь русскій не можетъ выѣхать никуда безъ того, чтобы вокругъ него не была цѣпь явная сотенъ тысячъ солдатъ, на 50 шаговъ другъ отъ друга разставленная по дорогѣ, и тайная цѣпь, следящая за нимъ повсюду. Король собираетъ подати и строитъ башни, и на башнѣ дѣлаетъ прудъ, и въ пруду, выкрашенномъ синей краской, и съ машинами, представляющими бурю, катается на лодкѣ. А народъ мретъ на фабрикахъ: и въ Ирландіи, и во Франціи, и въ Бельгіи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.